

ЖОДНЫЙ СВѢТЪ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДАМЪ

Годовая цѣна I-го изданія:

Съ 12 раскрашенными картинками:

Въ С.-Петербургѣ, безъ доставки . . . . . 4 р. — к.
— съ доставкою . . . . . 5 » 50 »
Съ пересылкою въ другіе города . . . . . 6 » —

Журналъ „МОДНЫЙ СВѢТЪ“

выходитъ въ количествѣ 48 номеровъ въ годъ, съ 2000 иллюстрированными рисунками въ текстѣ, съ 12 ластями выроекъ, 12 вырѣзками вырѣзками изъ натуральной вѣдучки и 12 или 24 раскрашенными картинками парикмахскихъ модъ.

Обладатели въ журналъ „МОДНЫЙ СВѢТЪ“ приписываютъ въ Контору Редакціи и записки лавки въ тѣло въ 10 в. за строчку пожелать, или въ са. вѣсто.

Годовая цѣна II-го изданія:

Съ 24 раскрашенными картинками:

Въ С.-Петербургѣ, безъ доставки . . . . . 5 р. — к.
— съ доставкою . . . . . 6 » 50 »
Съ пересылкою въ другіе города . . . . . 7 » —

СОДЕРЖАНИЕ: За тронъ и жизнь. Историческій романъ Гилата. (Продолженіе). — Царь Кавказа. Фантастическій разсказъ. (Продолженіе). — Писемъ въ писемъ. (Продолженіе). — Поездка въ Лиферъ. — (Окончаніе). Объявленіе.

ЗА ТРОНЪ И ЖИЗНЬ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ГИЛАТА.

(Продолженіе).

III.

Привидѣніе на охотѣ.

Солнечный дискъ погружался за горизонтъ, посылая послѣдними лучами обширныя равнины Ромей-Моора. Въ туманной дали видѣлись башни городовъ.

Пріятный вечеръ послѣ вчерашней бури, — сказалъ Бервикъ Роберту Харноку, и я радъ опять выйти на свободу. Цѣлый день дождемъ мы были просидѣли въ комнатѣ.

— Это было необходимо, ваше высочество, сказалъ Харнокъ, осторожно оглядываясь: я и теперь даже не совѣтовалъ-бы намъ саникомъ удалиться.

Они отправлялись, черезъ садикъ, на равнину, нарядъ усаженную дубами.

— А—какое наслажденіе дышать чистый воздухъ. — Я надѣюсь, милордъ. Мы должны еще извѣстить Георга Портера. Цѣлый день беспокоится, потому что его дочь, всегда наивѣщая Портера, еще не возвратилась.

— Что это за мѣсто, на которомъ мы стоимъ теперь? спросилъ Бервикъ, озираясь.

Они стояли среди развалинъ. Колонны, обвитыя погасшими растениями, остатки стѣнъ, съ стрѣлочными окнами, сводъ который свободно проходилъ солнечные лучи, остатки высокой комнаты со сводами—вотъ что называло въ Бервика.

— Это Базестонъ, сказалъ Харнокъ. Развалины одной церкви, которая была построена на остаткахъ построекъ римлянъ. Это закончилось мѣсто; люди забываютъ его, потому что, какъ говорятъ, здѣсь является духъ древняго языческаго жреца и зарыты соропина, нѣкогда принадлежавшія римскому храму; къ этому храму ведетъ особый входъ, который тише отыскиваютъ искатели клада.

Бервикъ вошелъ въ разрушенныя ворота. Рунъ занимала небольшой холмикъ; передъ глазами Герцога разстилалось болото, за нимъ видѣлся домъ Гунта, съ садикомъ изъ небольшихъ деревъ, доходящихъ до самыхъ развалинъ. Вѣтеръ дулъ сводъ стрѣлочныя оны.

— Послуай, сказалъ вдругъ герцогу, что это значить?

Харнокъ прислушался.

— Дѣйствительно, я слышу шумъ, ваше высочество.

— Это звуки рожка; воть другой, третій. — Этотъ звукъ мнѣ знакомъ.—бѣсъ объ закладъ, королевская охота приближается сюда.

Харнокъ прискочилъ. Догдака Бервика подтерждалась, потому что изъ тростника, росшаго на опушкѣ лѣса, высочилъ олень и помчался по равнинѣ—за нимъ другой. Вскоръ можно было разсмыслить голоса—завывали рога и на краю равнины показалась многочисленная толпа всадниковъ, за которыми сѣдлавыя егера и загонщики.

— Это королевская охота, вскричалъ Харнокъ.

— Я говорю вамъ, что мы не въ безопасности. Поскорѣ домой, ваше высочество—здѣсь опасно оставаться. Вонъ показалась новая толпа—посмотрите направо.

Бервикъ стоялъ неподвижно. Охотники широкими колымажъ отбили равнину, стараясь загнать оленя. Сзади, по направлению къ жилищу Гунта, также бѣжали охотники.

— Они теперь въ котловинѣ, сказалъ Бервикъ, мы въ центрѣ круга—заперты со всѣхъ сторонъ.

— Слышите домой, ваше высочество, умолялъ Харнокъ. Васъ знаютъ придворные, находящіеся при королѣ—будетъ большое несчастье, если въ насъ признаютъ изгнаннаго сына короля Янова.

Бервикъ не трогался. Онъ смотрѣлъ на одну группу всадниковъ, которая газонъ приближалась къ развалинамъ.

— Если таза мнѣ не измѣняютъ, то тутъ Оранскъ, погубившій моего отца—сама судьба мнѣ посылаетъ его.

Онъ захватилъ свой плащъ, но въ то-же время руга его выхватили нисѣсто.

— Ради Бога, не будьте безразсудны, ваше высочество,—просилъ Харнокъ—мы погубите все дѣло.

— Почему знать, вскричалъ Бервикъ, не трогался съ мѣста и внимательно устремивъ глаза на всадника.

— Милостивый Боже! мы погибли отъ вашей медленности. Обернитесь—охотники уже подошли къ дому Гунта. Мы уже не можемъ уйти незамѣченными—другіе приближаются прямо сюда—нигдѣ вѣтъ мѣста, гдѣ-бы укрыться, всюду толпа равнины.

Бервикъ оглянулся. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе его было чрезвычайно опасно. Домъ Гунта былъ окруженъ егерами, которые, напавъ лошадей и давъ имъ отдохнуть, не хуже отличной калашери, понеслись прямо черезъ садъ, къ развалинамъ церкви. Со всѣхъ сторонъ подыжались къ дому другіе охотники—все тѣсно становилось кружокъ—одни бѣжали вокругъ—ясно слышалось шоканье загонщиковъ.

— Скоро наша участь должна рѣшиться, пробороталъ Бервикъ. Можетъ быть, онъ еще умретъ отъ моей руки.

— Трубятъ отбой, сказалъ Харнокъ глухимъ голосомъ. Олень убитъ—охота кончается и мы также у своей цѣли. Возвратитесь въ домъ мы не можемъ. Всадники бѣдутъ сюда и непременно найдутъ насъ.

— Это король и лордъ Сидней, сказалъ Бервикъ; оба точно такъ узнаютъ меня. Завтра вечеромъ меня отвезутъ въ Тотеръ, заговоръ рушится, а можетъ быть онъ будетъ уже безопасенъ, потому что, прежде, чѣмъ меня связжутъ, я буду стрѣлять въ Оранца, какъ только онъ явится сюда.

Харнокъ судорожно сжималъ кулаки; онъ былъ нетрусаемымъ дестя; привыкнувъ рыскать своей жизнью въ заговорѣхъ, онъ давно спуска съ мыслю о смерти. Они неподвижно стояли подлѣ Бервика, который также не двигался, крѣпко держа свой нисѣсто. Король и Сидней приближались; они ѣхали медленно, потому что охота уже кончалась.

— Славный сегодня день, говорили короли. Теперь мы у цѣли. Година окружена со всѣхъ сторонъ. Что это за стѣны?

— Это Базестонъ, отвѣчалъ Сидней, который намъ величество видѣлъ изъ Оудъ Ромей.

— А—тутъ является привидѣніе, сказалъ король и скрыты соропина;—право, не мѣшало бы

вырвать аздакъ нѣсколько миллионѣвъ, въ особенности, когда у насъ собирается новый парламентъ. Для моихъ плановъ мнѣ нужны деньги и я съумѣю бы воспользоваться сокращениями, даже если бы они принадлежали алмазъ духамъ. А—это что такое? внезапно вскричалъ онъ. Посмотрите сюда, Сидней—видите вы въ развалинахъ дѣй фигуры—кто это, обманъ зрѣнія? Нѣтъ, я вижу два челоуѣческихъ образа.

— Правда, ваше величество; притомъ, это не посланье, это...

— Это демоны, вскричалъ король, полусмѣясь, полусерьезно. Одинъ изъ нихъ одѣтъ въ черное. Оба стоятъ неподвижно—смотрите-ка теперь, что тамъ дѣлается. Вотъ третій выходитъ изъ земли—это женщина, она обоимъ влечетъ за собою—мистическій Боже, все трое провалились въ землю!

Сидней видѣлъ все, о чемъ говорилъ король.

— Побѣдите поспѣй, приказалъ Вильгельмъ. Они припрорили лошадей и охотники видѣли ихъ въ вѣзжанкахъ на холмѣ и потомъ стоящими среди развалинъ.

— Вотъ здѣсь они стояли всѣ трое, сказалъ король, внимательно рассматривая землю. Они или исчезли въ воздухъ или провалились сквозь землю, иначе, мы непремѣнно должны бы ихъ увидѣть, кругомъ пусто,—ни одного деревца.

Между тѣмъ охотники съѣхались со всѣхъ сторонъ.

— Милорды и джентельмены, вскричалъ король: вы не замѣтили въ развалинахъ двухъ челоуѣческихъ фигуръ?

— Да, ваше величество, отвѣчалъ молодой лордъ Руссель, я обратилъ на это вниманіе лорда Джемминга. Они стояли въ воротахъ, вотъ здѣсь.

— Совершенно вѣрно, сказалъ король. Куда же могли они дѣваться? Мы съ лордомъ Сиднеемъ ясно видѣли ихъ. Неужели эти развалины въ самомъ дѣлѣ населены привидѣніями?

Король и его свита тщательно осмотрѣли полъ и стѣны и безъ того уже порочившихъ развалины, но ничгѣ не нашли и сады двухъ личностей, которыхъ, однако, видѣли многие изъ охотниковъ. Наконецъ, пришло слово, убитаго баронетомъ Сиветъ Альбаномъ. Такъ какъ уже стемнѣло, то зажгли факелы и все общество отправилось въ Гудесфордъ, гдѣ король желалъ переночевать въ домѣ поселянина и гдѣ охотники изъ Огтъ-Суссекса готовили ему ужинъ.

— Странная ошибка, сказалъ король вѣхшимъ подѣкъ нѣе лордамъ. Однако, мы не могли обманываться. Можеть-быть, эти люди ушли въ домъ. Онъ указалъ на домъ Гунта, къ которому они подѣбжались.

— Въ такомъ случаѣ, они должны были сдѣлаться невидимками, потому что я былъ въ саду съ пѣтухомъ господина, сказалъ лордъ Руссель.

— Эй, вы—подойдите-ка сюда! закричалъ Коделсей челоуѣкъ, стоявшему у дверей дома, который былъ нѣмѣно иной, какъ мастеръ Гунтъ.

Гунтъ подошелъ съ почтительнымъ поклонномъ. Онъ узналъ короля; но затѣмъ ненавидѣлъ блеснула на его лицѣ, когда онъ подошелъ къ Оранцу.

— Въ вѣнцѣхъ дѣтъ есть гости? спросалъ король. Гунтъ побѣбжалъ.

— Нѣтъ, ваше величество—никого нѣтъ! отвѣчалъ онъ посявъ нѣкоторого колебанія. Я, мой работникъ, даючка—большествовать домъ нѣекого не живеть. Если бы ваше величество удостоили осященіемъ меня вашимъ посольствомъ, то это посольство бы для меня всю жизнь радостнымъ воспоминаніемъ.

Онъ широко распахнулъ двери, чтобы показать, между прочимъ, что въ домъ никого не было.

— Хорошо, благодарю васъ за предложеніе, вы можете считать его принятымъ... А, я вижу здѣсь Распѣтіе и изображенія Святыхъ—вы католики?

Гунтъ улыбнулся голую.—Да—да, я посѣбдователь римской церкви.

— Ну, зачѣмъ вы потупились и принаи смущенный видъ? вскричалъ король. Мы оченъ

пріятно видѣтъ въ васъ богобоязненнаго челоуѣка. Я уважаю всякую религію—хорошій католикъ не хуже хорошаго протестанта.

— Я оченъ радъ слышать это изъ устъ вашего величества, сказалъ Гунтъ. Здѣсь всѣ протестанты говорятъ, что ваше величество врагъ папистовъ.

Нѣкоторые лорды съ неудовольствіемъ переглазнулись.

— Гаупта выдумка! сказалъ король. Скажите мнѣ, что я уважаю нѣеую нѣеую—только не хочу допускать, чтобы религія, католическая или протестантская, служила прикрытіемъ для политическихъ интригъ,—какъ это любятъ дѣлать господа якобиты. Король указалъ бѣекомъ на море. Въ этомъ случаѣ я поступаю, какъ строгій судья.

Гунтъ сорочугулся. Онъ безпокойно осматривалъ, ежесекундно опасаясь появления Бервика и Харнока. Гдѣ бы они могли быть?

— Прощайте, мой другъ! сказалъ король, отправляясь даѣе съ своими лордами.—Молились Богу, какъ хотѣте, только чтобы молитва ваша была отъ чистаго сердца.

Онъ дружески поклонился и вскорѣ передъ Гунтомъ осталась только охотниковъ и гвардейцевъ; факелы, мерная между деревнями, освѣщали дорогу, которая шла въ Гудесфордъ и графство Суссексе.

— Давно пора было показаться мнѣ народу; они принимаютъ меня за палача папистовъ, сказалъ лорду Оранцу Сидней. Значитъ, мы ошиблись на счетъ видѣнія въ развалинахъ, пробивай отъ. Охота насъ нѣеожко разогнать.

Чтобы уяснить все происшедшее, надо вернуться нѣеколько назадъ.

Бервикъ и Харнокъ—какъ нѣебѣею читателю, уже считали себя въ рукахъ короля и его свиты. Во всѣмъ случаѣ, они притворились какъ можно дороже отдать свою жизнь; на поминаніе она не надѣлалась; кровъ тогда, Бервикъ наполю у себя письма, которая онъ не хотѣлъ оставить дома; письма эти, по своей важности, могли сильно компрометировать его, потому что были написаны собственною рукою короля Якова и напачивались въ Лондонъ лордамъ Петеру, Кастельмью и рыцарю Хангину. Бервикъ и Харнокъ видѣли, какъ король указывалъ на нихъ, говорилъ что-то лорду Сиднею.

— Когда онъ вѣебѣтъ на холмъ, сказалъ Бервикъ, не трогался съ мѣста, тогда мнѣ лучше будетъ цѣлѣться въ него;—во всѣмъ случаѣ, ему не позориться отъ нашего ареста.

Въ эту минуту за стѣною раздались шестъ, Бервикъ обернулся. Харнокъ также подумалъ, что ихъ хотятъ схватить заади.

— Бесси! вскричалъ онъ съ удивленіемъ.

Это было дѣе контрабандиста, которая внезапно выросла за развалиной.

— Вы пропали! вскричала она. Сюда ѣдетъ Оранецъ;—кругомъ охотники;—вы аперты въ котловѣвъ!—нѣельзя терять ни минуты!

— Какъ?

— Сюда скорѣе!

Она низко нагнулась, приподняла высокой кустарникъ, разросшійся близъ самаго стѣны—раздвинула вѣтви въ стороны и открыла углубленіе. Герцогъ и его товарищъ съ удивленіемъ увидѣли, какъ приподнялась между кустарникомъ осяущая дверь, ручка которой, въ формѣ шпора, была скрыта въ стѣбѣ и могла быть узнава только пославанными. Стѣна и кустарникъ совершенно закрывали входъ въ подземелье.

— Сюда—здесь! вскричала Бесси.

Бервикъ колебался;—его ненавидѣтъ въ королю боролась съ любовью къ жизни и свободѣ; еще минута—и онъ могъ бы послать пулю въ грудь смертельнаго врага своего отца; но Бесси крѣеко убѣждала за него, Харнокъ помогъ ей и они притаились терюга въ осяущую дверь.

— Визъ!—подумайте о союзникахъ!

Бервикъ спугнулся, за нимъ посѣбдовала Хар-

нокъ. Бесси придерживала вѣтви, пока они уходили, потомъ и сама сползала за ними, отступила кустарникъ и привела въ движеніе ручку двери. Со скрипомъ осяущалась дверь за спавшими. Это было нѣеезовѣное, которого не могли понять король и охотники. Бесси и ее спутники осяущались въ совершенно темномъ пространствѣ, изъ котораго вѣею сыръмя, холоднымъ воздухомъ.

— Шт—подождите нѣемиого, прошептала дѣвушка.

Всѣ трое прислушались, до нихъ доносилась топотъ копытъ и явственные голоса исавшихъ; король стоялъ въ нѣеколькохъ футѣхъ изъ головы. Они притяли дыханіе. Мало по малу голоса утихли; пресѣбдователи удалялись.

— Снѣеи! прошептала Бесси. Они нѣекого не нашли. А ужъ пора было.

— Еще нѣеколько минутъ и мы пропали-бы, сказалъ Харнокъ. Но откуда ты такъ внезапно явилась къ намъ?

— Я замѣбжалась въ Ольдъ-Ромей. Меня задержали проклятые поселяне; я вѣеблалась отъ нихъ по милости одного челоуѣка изъ королевской свиты. Когда я достигла Моора, охота уже нѣеблѣжалась сюда; я должна была нѣеколько разъ притаясь въ тростникъ, потому что оленя проносился мимо меня; а же неслѣ съ собою дѣеи Гейру Портеру, котораго думала найти въ Ольдъ-Ромей; если бы проклятый народъ схватилъ и осяебсалъ меня—намъ пришлось бы плохо. Когда я подошла къ холму, то узнала саръ Харнока и въ то же время познала всю опасность вашего посяенія; я позаконъ пробралась черезъ холмъ и поспѣла во время.

Бервикъ, не смотря на опасность, успѣлъ разсмотрѣть красивую Бесси.

— Не мѣеало бы, мой мизалъ, сказалъ онъ, добить оглоуи и узнать, гдѣ мы находимся.

— Мы въ подвалѣ моего отца, сударь, сказала дѣвушка. Подвалъ вырѣтъ между развалинами и когда мы получаемъ изъ Франціи товары, которые осяею выгружать дома, то приносимъ ихъ сюда. Этѣхъ развалинъ боялся вѣеице поселяне, потому что въ нихъ, говорятъ, живутъ злые духи.

Она осяущала стѣну и начала высвѣтлять огонь; вскорѣ подвалъ осяущился и находившіеся въ немъ могли нѣеомѣею осмотрѣться. Они стояли въ низкой комнатѣ со сводчатыми и вѣеазанными стѣнами. Деревянная лѣеиштина вела къ осяущей двери; за нею начинался темный корридоръ, терившіеся въ непроглядномъ мракѣ.

— Теперь смѣею идите за мною, сказала Бесси, приподняла огонь.

Они поили по корридору; свѣтъ отъ свѣчки падалъ на тѣеи сунуа, то на груды металлическихъ предметов; даѣе осяущились бѣеги, обтянутыя жѣеиными орудиями, потомъ осяеицисты бутылъ и наконецъ аяеищаніеаыя яеишки. Бервикъ узналъ теперь, гдѣ находится складъ товаровъ контрабандиста, о которомъ была рѣчь наканунѣ. Впередъ колебалась стройная фигура Бесси, всѣ обитая свѣтомъ; вслѣдствіе темноты стѣны и потолка, осяущикамъ е казалась, будто бы она пылаетъ въ воздухѣ, подобно алфѣ, парящему въ лучахъ свѣта.

— Прѣеисное существо—такая видѣица нѣебѣею посылалъ его величество король Якова II въ его изгнаніи, прошептала легкомысленный Бервикъ.

Харнокъ предупредилъ его знакомъ быть осторожнѣе. Бесси остановилась.

— Мы пришли въ выходъ, который кончается у очага вашей кухни. Видите ли яеишину?

Они увидѣли яеишину, подобную той, которая вела къ осяущей двери.

— Подождите нѣемиого, я—прислушаюсь. Она прошла нѣеколько ступенекъ и приаеиала ухо къ стѣбѣ. На верху есть ееи люди—они говорятъ съ мѣеиъ осяеиъ—вотъ они уходятъ. Подождите еще нѣеколько минутъ. Бесси вошла на яеишину.

Король и его свита вѣеахали по дорогѣ

въ дѣлѣ, Гунтъ вполнѣ въ домъ. Онъ не могъ побѣдить въ себѣ безпокойства.

— Куда они дѣвались? бормоталъ онъ. Они поугубятъ меня всѣхъ, если попадутъ—и Бесси! Онъ вынулъ изъ ящика подъ часами записку.

— Если я вамъ понадоблюсь, то ищите меня у Портера. Георгъ. Эти слова были въ запискѣ.

— Едвазаста съидутъ быть собранію, то пора ужъ навестить Портера, который обѣзалъ созвать совѣщаніе. Я долженъ, однако, поспѣть къ нему Бесси, что не безопасно, потому что король съ своими людьми отправился какъ разъ по тому направлению. Бесси должна миновать всѣхъ этихъ господъ, — но гдѣ же она? О, намъ угрожаетъ какое нѣбудь несчастье!

Гунтъ побѣдился, потому что раздался стукъ подъ поломъ. Стукъ выходилъ изъ кухни. А, неужели они... Святъ Игнатій, заступилъ за насъ! неужели все открыто?... Съ этими словами Гунтъ побѣжалъ въ кухню и потопнулъ дрова отъ очага, притѣмъ обнаружилась задвижка опасной двери.

— Кто тутъ? вскричалъ онъ, держа наготовѣ тяжелой топоръ.

— Откройте, батюшка, это я! послышался голосъ Бесси.

Гунтъ отодвинулъ тяжелую задвижку, люкъ открылся и изъ глубины вышла Бесси съ своими спутниками.

— Святъ Игнатій — какъ вы туда попали? вскричалъ пораженный Гунтъ.

— Мой добрый саръ, мы освѣдѣтельствовали ваши записки, съѣхался Берникъ. Очень недурно все пришло.

Гунтъ гнѣвно закусилъ губы; — онъ даже Харнона никогда не подилъ въ свои подвалы; послѣдній зналъ не больше того, что подъ домою есть скважъ, — только когда Бесси рассказала своему отцу объ опасности, въ которой находились ея спутники и которая угрожала всему обществу заговорщиковъ, онъ немного успокоился. Вскорѣ въ сосѣдней комнатѣ, отодвинувъ перегородку, вошелъ Баркалъ.

— Чортъ возьми, я былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Оранш! сказалъ онъ. Когда король стоялъ здѣсь передъ дверью, я могъ бы застрѣлить его, какъ воробья.

— Онъ два раза избивалъ сегодня смерти, сказалъ Берникъ. Если бы я зналъ, что мы такъ скоро могли провалиться въ землю, то непремѣнно испробовалъ бы на немъ мой пистолетъ.

— Вы не сдѣлали бы этого, милордъ, вдругъ сказала Бесси.

— Отчего такъ, моя милая?

— Я не допущала бы совершиться убійству. Чтѣ вы дѣлаете, когда бываете одни, что дѣлаетъ ваши помыслишки, — до этого мнѣ нѣтъ дѣла, но жизнь короля въ моемъ присутствіи должна быть неприкосновена.

— Агъ—маленькая сторонница Оранша? пошутилъ Берникъ.

— Нѣтъ, милордъ, я настоящая любителька, только не покровительница убійствамъ.

— Будете осторожны, прошепталъ Харнокъ. Дѣвушка не должна ничего знать о планахъ противъ Вильгельма Франскаго.

— Удалите ее отсюда.

— Это ничто—она для насъ послана; она должна знать только о разговорѣ, но ни о томъ, ни о другомъ гдѣ....

Харнокъ остановился, онъ еще не рѣшался выговорить.

— Дитя мое, сказалъ Гунтъ, отъ которого неусложнаго неудовольствія, выразившагося на лицѣ герцога; знаешь-ли ты, кого мы сыскаемъ на эту его высочество герцога Яковъ Берникскій, сынъ нашего короля Якова.

Бесси сдѣла видрогута. Она подошла къ Герцогамъ и схватила его руку; приглашенію въ Стюартъ отдалась многіе англичане — это въ корольскій домъ пользовалась дружбой и почитаніемъ, вовсе не заслуженными. Будучи надменными и

самоуваженными, не уважая ни чьихъ правъ, пока счастье было на ихъ сторонѣ, Стюарты постоянно пользовались симпатіями народа. Странныя образцы, у нихъ были друзья и въ несчастіи—необъяснимое явленіе въ исторіи. Бесси была воспитана въ любви къ Стюартамъ; контрабандистъ-же, при помощи легкомысленнаго двора Карла и Якова, извлекалъ многія выгоды; — его признавали къ Стюартамъ была, можетъ быть, не совсѣмъ чистого свойства; однако, это не помѣшало Бесси подойти съ глубокимъ уваженіемъ къ стоявшему передъ ней потоку законнаго короля, какъ называли Якова его приверженцы.

— Ваше высочество, простите меня за мою сѣмью рѣвъ, сказала Бесси, стараясь поцѣловать руку герцога.

Берникъ подумалъ, что настала минута, когда онъ можетъ начать свои ухищренія на преклоненіи Бесси; онъ отдернулъ руку, фаворитно наклонивъ къ подбородку и сказалъ:

— Такой прелестной дѣвушкѣ все прощается.

Но за сѣмью слова я требую старинное право моего рода—я не допущу, чтобы Бесси цѣловала у меня руку, а самъ поцѣлую ее въ хорошенькій губы.

Онъ приподнял красивую головку дѣвушки, но она быстро отскочила отъ него.

— Вы не смѣете дѣлать этого, ваше высочество, сказала она, сверкая глазами. Я не позволю. Я могу только уважать васъ, мой государь, — а для этого достаточно поцѣловать вашу руку.

— Бесси отвернулась. Гунтъ постарался превратить эту сцену.

— Тоторисъ, Бесси, сказала онъ. Ты должна еще сегодня отправиться въ путь—у меня есть записка къ Георгъ Портюру. Онъ въ Кальбурнахъ, — отнеси ему листки — завтра здѣсь соберутся совѣщаніе.

Бесси взмывшала въ лицѣ.

— Кальбурнахъ, повторила она. Мнѣ бы не очень хотѣлось туда—онъ у Нейдертрасса, прибавила она тихо.

— Тоторисъ, не то будетъ поздно; тебе заставить путь, уговаривалъ Гунтъ, которому хотѣлось поскорѣе сноровить дѣль съ глазу Берника.

— Король поучетъ сегодня въ Гуденфордъ—ты должна побыстрѣе пробраться мимо гвардейцевъ и ихъ обоза; темнота благопріятствуетъ тебѣ.

Бесси откинула волосомъ со лба, схватила палку и прижала руку къ груди.

— Здѣсь листки, сказала она. Доброй ночи, батюшка, — я иду въ Кальбурнахъ.

Она вышла.

— Послушная дочь, замѣтилъ Берникъ.

— Она у меня молодецъ, ваше высочество! вскричалъ Гунтъ съ увлеченіемъ. Дай Богъ ей счастья въ жизни.

— Она будетъ счастлива, если намъ не посчастливится, сказалъ Берникъ. Она спасла сегодня мнѣ жизни. Не приди она во время, мнѣ, мастеръ Гунтъ, погнѣби бы.

— Это подмелема вырты монахами бывшаго монастыря, сказалъ Гунтъ. Мои земли идутъ надъ нимъ и я открылъ его двѣнадцать лѣтъ назадъ. Оно очень пригодилось мнѣ въ моемъ занятіи; къ тому же, развалины всѣ боится; есть охотники, которые разсказываютъ про нихъ разныя небылицы.

— Какъ-такъ?

— Есть убоище люди, которые описываютъ исторію древней Англіи еще со временъ Цезаря; эти господа, вѣроятно, живутъ въ Лондонѣ; они утверждаютъ, что Бакестоунъ существуетъ съ прішествіи своа Римлянъ и что будто бы въ немъ зарыты сокровища.

— Что-жъ, здѣсь дѣйствительно хранятся сокровища, съѣхался Берникъ. Дѣвушка отправилась неохотно, шепнула онъ Харноку.

— Хм, я думаю; тутъ дѣло касается Портера. Погодите еще выждать тайну, сказалъ Харнокъ.

(Продолженіе будетъ).

ЦЕЗАРЬ КАПАРРА.

Фантастическій реализмъ.

(Продолженіе).

Въ ожиданіи, будущая снѣвора впадала чулки; саміи обольстительности ея кузена не могли заставить ее спустить хоть одну петлю. Гертруда была славная дѣвушка; но цыганка была права, говоря, что она вся ушла въ мясо; Гертруда обладала крикшимъ сложеніемъ; была, шпешенного цѣта кожа, объяснявшая ея роскошныя формы, позодала, однако, тамъ и не видѣть сочлененія костей, такъ плотно послѣднія были устроены.

Она не принадлежала къ числу тѣхъ, кому тѣмъ, бѣдливѣхъ дѣвушкѣ, которые приносятъ въ приданое дѣльный рядъ илѣныхъ капризовъ и истерикъ; напротивъ, Гертруда имѣла намереніе прожить дѣлнсто зѣтъ, поддерживая свое здоровье плотнымъ обдаемъ, и обогатить свой домъ ежедневнымъ приношеніемъ владѣнствъ. Она удостоивала ея въ этомъ безразсѣннымъ выставленіемъ своихъ достоинствъ.

Напримѣръ, она была нѣсколько испугана, когда кузенъ пересказывалъ ей всю роскошную обстановку, ожидающую ихъ въ мармоноръ дворѣ во Флоренціи. Она поочинала голову, думая, сколько нужно будетъ труда, чтобы держать все это въ порядкѣ.

Въ домъ отца Гертруда не могла успокоиться до тѣхъ поръ, пока, вооружившись сукномъ, нательнымъ носкомъ, она не перетрала всю мебель такъ, чтобы видѣть въ ней свое отраженіе.

— Вы увидите, какая хорошая изъ меня выйдетъ хозяйка, товарищала она своему кузену, поладимому, неумѣющему вполнѣ оценить эту добродѣтель.

Странно было видѣть супружеское счастье этихъ двухъ, совершенно противоположныхъ, существъ. Капарра, построенный со всѣмъ шпешествомъ мужественнаго сложенія, замѣшествовалъ отъ отца въплоть патристичесъ своей страны, а отъ матери матку доброту любящей германіи, сестры Маттеуса.

Страстный молодой человѣкъ, соединившій въ себѣ высшаа дѣшевности способности духа національности, обладаа въ избыткѣ богатымъ воображеніемъ юга, укрѣпленнымъ мечтательностью болѣе укрѣпленнаго пося.

Воспитавшись въ артистической обстановкѣ и знатности, среди міра, запертаго для всего, что не входило въ нѣтъ вѣстившій уровеньъ, далеко превышавшій свое обоеденіе, Капарра не замѣтилъ своей кузины ни, дѣше сказать, замѣтилъ въ ней одну только вѣстившій. Онъ не отдавалъ себѣ отчета о совершенномъ бездѣйствіи мозговъ Гертруды.

Ему казалось, что ея умственные способности еще сокрыты; онъ думалъ легко привести ихъ въ дѣствительность, не дозоривала вовсе ихъ отсутствіе. Бѣдная дѣвушка симонъ ушла во вѣстившій, слонимомъ была животна. Никогда еще флорентинскъ не приходилъ въ сношенія съ женщинами, которыхъ единственное влеченіе было къ зѣвъ, питью, снѣваю и яростной охотѣ за шалью.

Можно себѣ представить, что была за любовь, этотъ цѣлѣтъ поэма, какъ выражаются поэты, между такими двумя натурами.

Гертруда становилась все опредѣленнее понятіе о поведеніи молодого человѣка, которое перенеруивалось вверхъ дномъ выходима ея жениха. Углубившись въ влеченіе, она самазла его терпѣливо и не безъ нѣкотораго достоинства, потому что не понимала.

По временамъ она поднимала глаза, взглядывая на вѣстившій добъ жениха съ нѣкоторымъ любопытствомъ, смѣшаннымъ съ состраданіемъ,

и снова принималась вязать, глубококомысленно поочаивая головой.

Вышло, что, посятъ арыгаго обсуждения, она выслала заключенія, послѣдствія на нее тяжкую обязанность; она находила Капарра страннымъ, дерзкимъ и худошавымъ — трилогия недостатковъ, не терпимыхъ въ хорошихъ мужъ. Тѣмъ не менѣе Гертруда была спокойна.

— Я исправлю его, думала она; онъ похожъ на всѣхъ молодыхъ людей, но посятъ женитъ бы онъ у меня сдѣлается челоюкомъ порядочнымъ и рассудительнымъ.

Она была уверена въ себѣ, такъ полагаалась на свое пресосождалство.

Однажды вечеромъ Капарра пощѣловалъ ее въ щею. Эффектъ былъ ужасный. Если бы онъ приложилъ законный фильзъ въ шее, то не произошло бы такой суматохи. Гертруда вскопала все красная и, задыхаясь, выбѣжала въ сильный шумъ; вскорѣ она опять представала глазами пораженного Цезаря, подъ зашитю отца, который, съясилъ отъ всей души, старался ее успокоить. После долгихъ объясненій, стало ясно, что, по понятіямъ молодовавшей Гертруды, непорочно цѣловать голову дѣвушкѣ въ щею и еси кузенъ уже теперь такъ поступать, то что же будетъ посятъ замужества.

По понятіямъ Гертруды, основанномъ на хорошихъ знаніяхъ прищій, молодую дѣвушку дозволялось цѣловать только въ щеку и, кромѣ того, въ опредѣленное мѣсто; именно, въ вершину угла, образуемаго двумя линіями, исходящими изъ дѣлаго глаза и дѣлой ноздри. Въ этомъ только мѣстѣ позволялось сорвать пощѣлу, а не въ шейной артеріи, между оочечностью уха и ключицей.

Нужно очень мало уважать женщину, чтобы забыть подобную действительность. Впрочемъ, она начинала сознавать, что будетъ несчастна, прибавляя при этомъ, что живя женщиною есть вѣчная жертва.

Въ другой разъ, Капарра цѣловъ утю бѣгалъ по полямъ, чтобы собрать цѣлостъ; всѣхъ ихъ поту, онъ являлся къ Гертрудѣ съ прекрасно составленнымъ букетомъ, для оцѣнки котораго требовалась вѣкторый вкусъ.

Кузина, принимая его, дѣлала недовольную мину: — Это будетъ для маленькой дѣвошкѣ, мой кузенъ; цѣлствъ въ немъ не рѣдки и не стоишь ваиъ ни копѣйки.

— Тутъ все поленые цѣлствъ, это правда, но посмотрите, Гертруда, какъ они красивы; какъ взоры приятно сползаютъ по ихъ бархатистымъ лепесткамъ съ мягкимъ отблѣскомъ. Посмотрите, какъ они кокетливо выглядываютъ надъ зеленью, состоящую изъ зубчатыхъ листиковъ.

— И ничто подобнаго не вижу, только я знаю, что каждая ботемская деревенская дѣвушка можетъ такъ по воскресеньямъ.

Капарра захотѣлъ узнать суть дѣла.

Въ тотъ же день онъ намотъ у ея, торговаваго разными мелочами, большой букетъ изъ розъ, который уже много зѣтъ были погребены подъ слоемъ пыли. Онъ смахнулъ пылъ и украсилъ букетъ разнаго рода яркими лентами. Эффектъ былъ таковъ, что могъ бы привести въ ярость цѣлствъ стадо быковъ.

Флорентинскъ, полусумасшедшій, но торжествующа, поднесъ свое пріобрѣтеніе нещѣтъ.

Гертруда вѣсплакала руками; она была такъ довольна, что, посятъ обѣда, съ цѣлоу нащѣ воспитаніе своего будущаго мужа, захотѣла научить его складывать салфетку въ форѣтъ заплата.

Бѣдный Капарра! Минуты настоящей радости для Гертруды были, напирѣтъ, когда еси кузенъ изарѣда брался за скрипку. Гертруда тогда не выдерживала: сперва ноги еи начинали слегка подергиваться, потомъ и сама она приходила въ движеніе; подергивая руками и ногами, она брала стулъ и начинала маршировать. Играть — ли талантливый музыкантъ, еи кузенъ, страстную

или тихую арію, эффектъ былъ одинъ и тотъ же — Гертруда начинала плакать. Она не имѣла никакихъ понятій о музыкѣ; для неа это были звуки, назначеніе которыхъ состояло въ возбужденіи желанія танцовать.

Довольно о Гертрудѣ. Для пониманія послѣдующаго необходимо было дать понятіе объ этомъ плещивомъ произведеніи природы, но больше она не могла занять насъ. Вслѣдствіе одного своего матеріальнаго присутствія въ жизни Капарра, она затѣмнитъ его свѣтлыя мечты.

Онъ же только что начиналъ думать, познакомился съ наукою, сталъ понимать... и какое разочарованіе. Едва заглушивъ въ душѣ своей кузины, онъ долженъ былъ убедиться въ еи неизлечимой, непоправимой тупости. Это печальное открытіе причинило ему недовольство и скуку.

Знаете ли вы, что такое скука?

Это предпріимствіе, укашенный даръ; онъ подверженъ свободному выбору; но еси посядѣлаго не совершенна, то скука называется противъ воли, тогда себѣ заимается врагомъ; истощенъ жизни отравленъ.

Скука есть могущественный рычагъ для изысканій невѣжества. Скукающее великіе люди обрѣщаются въ великихъ путешественниковъ и ученыхъ. Умъ энергичекіе, понимающіе невозможность достигнуть возвышенной цѣли, не пройдя періода испытаній, подчиняются силъ рока; они изучаютъ скуку, анализируютъ ее, вооружаются, борются съ нею и въ награду знакомятся съ вещами, самыми любопытными на нашей планетѣ.

Вскорѣ, когда она на нихъ посмотрѣтъ, исполнѣтъ излоселенъ на нихъ долгъ, вознагражденіе не замедлитъ явиться; оно придетъ въ видѣ мужей силы, который, убивая, въ то же время зажигаютъ для нихъ новый себѣ на безконечномъ горизонтѣ и поведетъ по дорогѣ въ другой міръ.

Не достойнъ ли сожалѣнія несчастные, обреченные умереть, никогда не скучая? Тѣ, которые, повернувшись въ узкомъ горизонтѣ, удовлетворяемъ ихъ стремленія, умиряютъ *съ сожалѣніемъ*, не зная даже того, что они могли бы узнать изъ доступныхъ подробностей нашего маленькаго шара? Не вѣрно ли будетъ предположить, что эти недовольная натура не засаживаютъ раскритикъ шебѣдомыхъ тайнъ; да еси бы и не случилось, то постановленія въ необходимость начать все сънова, онъ продолжалъ бы вернуться по прежнему, пока пройдетъ ихъ апатія, и тупо смотрѣтъ бы на міръ, не проникнувъ въ его чудесныя тайны.

Между тѣмъ, непоколебимая правда, все предвидѣвшая, даетъ имъ вѣкторыя льготы. Она терпѣливо ждетъ многое годы, не пощѣтъ ли ихъ любознательность. Удовлетворенные люди живутъ обыкновенно очень долго и всегда обладаютъ здоровьемъ. Гертруда никогда не была больна.

Итакъ, Капарра былъ скверно настроенъ. О спокойныхъ лицахъ не могло быть и рѣчи. Богато одаренный и вполнѣ развитый физически, флорентинскъ долженъ былъ приготовиться къ битвѣ, предоставленій самому себѣ.

Неспяніе начиналось, оно было богато и свободно; скука ступалась погнуръ, окружая его своею злобонной атмосферой. Она тяготѣла надъ его мыслями, усащала его; въ бездѣйствіи, онъ чувствовалъ тоску безъ причины, пламенное, нѣчто въ родѣ уютнаго шейфа, отъ котораго ему хотѣлось избавиться.

Онъ не сдѣлалъ того, что сдѣлало сдѣлать. Вѣхсто поновленіи своей воли, поущающей его выйти изъ тѣснаго круга, онъ оставался въ центрѣ.

— Гм! говорилъ онъ себѣ, всѣ женятся; но

вѣдь есть женщины и кровъ Гертруды; къ тому же, съ нею еси не поновчю.

Но онъ неупускалъ пощѣдѣтъ отказа. Надо было давать серьезная объясненія, сперва въ Модѣ, потомъ во Флоренціи; никогда не дѣлая ничего *серьезнаго*, онъ боялся его. Уничтожить проекты, образовавшіеся въ теченіе столькихъ зѣтъ! это ужасно серьезная вещь.

Капарра все жила у Матереа. Предъ предложеніемъ симфоніи, назначенной для дня свадьбы, онъ объявлялъ необходимымъ уединеніе; прогулки и по цѣлымъ днямъ бродилъ по улицамъ Моды, особенно въ цыганскіе кварталы.

Однажды вечеромъ онъ встрѣтилъ Саади и Мириамъ; онъ въ первый разъ оцѣлъ ихъ увидѣлъ. Онъ показавше ему вѣхстою новыми; лохмоты, покрывавшіе ихъ, были цѣлые и лежали живописно.

— Голова отца старухи, подумалъ Капарра, составила бы прерогативное украшеніе для большой бронзовой вазы.

— Милостивые государи, кротко произнесла Саади, не пододите ли вы милостиво двумъ бѣднымъ женщинамъ?

— *Отъ всего сердца*, отвѣтилъ Капарра.

При этомъ простомъ отвѣтѣ обѣ нщія приняли странную оука. Мириамъ затрепетала и глубоко вдохнула, закрывъ глаза. Взоры старухи метали молніи въ то время, какъ она поддерживала свою дочь.

Она отбросила серебряную монету, поданную молодой челоюкомъ.

— Мы не денегъ требуемъ, господинъ Капарра... Денегъ... что они значатъ?

Еи фizioномія приняла выраженіе немисти, саживающее для неа оцѣлительной чертой.

— Чего же вы хотите? спросилъ Цезарь, удивленный.

— Вы сами произнесли это, господинъ, вы сами предложили.

Старуха ушла, уводя за собою дочь, и предоставила пораженному Капарру разгадать загадку.

Онъ не могъ ничего разгадать; тѣмъ не менѣе, эта встрѣча такъ засѣла ему въ голову, что, проснувшись на саживающее утро, онъ прежде всего вспоминалъ о ней.

— Что хотѣла сказать этимъ старая вѣдьма? спросилъ онъ у своей кузины, рассказавъ ей о случившемся.

Гертруда не могла понять этого иначе, какъ желаніе старой коудуны выпростить прощенье за свой проступокъ на бѣду.

Капарра поначалъ головой съ видомъ сомнѣнія.

(Продолженіе будетъ).

Плевелы въ пшеницѣ.

(Продолженіе).

Пришедши въ свою комнату, графиня сбросила съ плеча пальто, сѣла за рояль и вала нѣсколько аккордовъ; пошине, но имѣтъ съ тѣмъ какъ бы заглушенные, звуки аились въ потъ еи пальцы; но вотъ она опустила руки и, утомленная, откинувшись на спинку стула.

— О Боже! сказала она; гдѣ искать мнѣ горе, которое отправляетъ мою жизнь? гдѣ та женщина, которую онъ любитъ больше меня? Да, онъ *любитъ* другую! меня онъ никогда не любилъ, я только жена его! Наши родители и условія свѣтъ съ первой минутой, такъ искренно! такъ горячо! Онъ же безпрестанно меня оставляетъ. Со вселой тупой дѣвошкы, со всѣмъ — создаются онъ разговариваетъ охотнѣе, тѣмъ со мной. Конечно, онъ любитъ другую: еси до нашей свадьбы и была похотѣтой этой любви. Но кто же она? кто она? ... А какъ онъ меня цѣлуетъ! какъ дѣжно называетъ своей милой! Все таки, я составляю

ему преграду въ его любви къ другой! Когда онъ идетъ гулять въ паркъ, онъ никогда не скажетъ мнѣ: пойдемъ со мною! Это же, люблю я его или ненавижу? Я бы хотѣла убитъ его, но въ то же время дрожу при мысли о его смерти! Онъ—мой мужъ, —его жена! Что же это за личность, которая смѣетъ встать между нами? Не бѣжать-ли мнѣ отсюда? Доной. Къ моей матери! Эта любовь становится для меня адомъ! А какъ бы мы могли быть счастливы. Прочь! прочь отсюда! Они же говорятъ, что мы любимъ другъ друга!!!

Бѣдная молодая женщина пришла головой къ извѣстнымъ, которые при этомъ прикосновении издали очень негармоническій звукъ.

Горничная, старая, одѣтая въ сѣрое платье, фурия, вошла въ комнату.

— Что прикажете графиня?

Графиня Дина очулась.

— Развѣ я звонила? мнѣ ничего не надо.

— Не звонила? но мнѣ такъ показалося....

Горничная говоритъ дерзко и самоуверенно; нѣтъ ничего ужаснѣе подобноу старухъ горничныхъ, съ безконечно длинными передниками, бѣлыми чепцами и сѣрыми платьями, это—драконы.

Графиня знаетъ, что весь день будетъ встречать сѣрыя лица, если случайно, безо всякой нужды, потревожитъ свою горничную. Поэтому, она встаетъ и ласково говоритъ:

— Да—я—я хотѣла васъ спросить, знакомы ли съ дочкою графа?

— Я? бабынъ Ботъ!

— Такъ, можете быть, вы знаете его дочь?

— Его дочь? повторила фурия, поднимая свой острый носъ, она получила въ воздухъ какую то тайну, — я не знаю, но Роза съ ней знакома и если графиня прикажетъ....

— Нѣтъ не надо. Впрочемъ... я слыжала, что она хороша собой; въ насъ устраивается театръ и намъ надо бы хоршенькую дѣвушку...; узнайте пожалуйста.

Горничная поняла все; она совершенно счастлива, что владѣть подобной тайной; ей нужно, чтобы дочка дворянина была хороша; она должна быть хороша, даже, если она дурна, какъ смертный грѣхъ. На всякій случай, она справляется въ Розу.

Но Роза видѣла дочь дворянина всего одинъ только разъ и съ пренебреженіемъ отымается о ней какъ о тоастрой, глупой, красноречивой мучицѣ.

Отвѣтъ горничной готовъ уже заранѣе. Она входитъ въ комнату графини и, внутренне радуясь, объявляетъ своей госпожѣ, что дочка дворянина совершенно годится для театра, она хороша собой, интересно-бѣдна, умна, и, прибавляетъ она подъ секретомъ, имѣетъ много поклонниковъ.

Графиня отрывая глаза отъ книги, которую читала и быстро говоритъ!

— Хорошо, довольно, можете идти.

Оставшись одна, молодая женщина даетъ полную волю своему гнѣву. Судорожно смявъ листы книги, она роняетъ ее на полъ; срываетъ съ руки браслетъ, подерзанный ей мужемъ въ день свадьбы. Ей тушно въ этой комнатѣ, она бѣжитъ вонъ. Мысль, что мужъ не любитъ ее—леденитъ ей сердце. Но кто та женщина, отпавшая у ней сердце мужа? она бѣжитъ по корридору на половину графа. Онъ извѣстъ ей самого обѣда; уходить на охоту одинъ, даже не вѣсть съ собой собаки, которая попала въ ей корридору. Отворить дверь въ оружейную, графиня вдругъ останавливается, какъ бы прикованная къ мѣсту какими то страшными зрѣлищемъ. На диванѣ лежитъ графъ Христіанъ, онъ еще не проснулся отъ своего поспѣвабнаго сна. Книга выпала изъ рукъ и лежитъ на полу. Графиня медленно подходитъ къ нему, цѣлуетъ его бѣлый лобъ и говоритъ:

— Кого-же онъ любитъ?

III.

Покинутая.

Обѣдъ въ замкѣ еще не былъ оконченъ, какъ восклицаніе графини Мурты заставило всѣхъ встать съ мѣста и подбѣжать къ окну.

Графиня, разговаривая со своимъ сосѣдомъ Винако, случайно обернулась къ окну и воскликнула:

— Первый снѣгъ!

Первый снѣгъ въ деревнѣ имѣетъ большое значеніе. Зима для деревни это— время уединенія, скуки, длинныхъ вечеровъ, непроходимыхъ дорогъ, слякоть, это самое скучное, несправное время.

Между тѣмъ, есть что то пріятельское въ этомъ грустномъ затишьи, что то туманное, неопредѣленное, напоивающее намъ наше дѣтство. Богъ знаетъ, почему, въ дѣтской памяти глубже запечатлѣваются длинные зимніе вечера, чѣмъ неслучайно проведенное лѣто.

Всѣ подошли къ окну, и молча смотрѣли, какъ медленно падали снѣжные хлопья и покрывали бѣлымъ покрываломъ ошустившій садъ. Графиня Дина вздрогнула, какъ будто почувствовала на себѣ холодное прикосновеніе снѣга и положила руку на плечо мужа.

Графиня Мурта метательное смотрѣла въ пространство; однойкой зубъ ее какъ будто тоже содержалъ тихую картину природы.

— Какъ это мило, Дина, что ты надумала провести эту зиму въ деревнѣ. Этотъ снѣгъ чудно, какъ хороши. Можно залюбоваться! Отличный этюдъ для картинъ?

— Престезная вышла бы акварель, вступилась Винако.

— C'est comme un fourbillon! On est comme avengé! сказала mademoiselle Тереза.

Присутствовавшій при обѣдѣ лакей, да и тотъ вытанулъ шепотомъ, чтобы взглянуть изъ за господъ на снѣгъ. Въ комнатѣ вдругъ воцарилась тишина, а на улицѣ снѣгъ продолжалъ валить хлопьями.

Какъ холоденъ кажется первый снѣгъ. Для бѣднаго путника первый снѣгъ, морозъ и туманъ, холодище сухого зимняго снѣга; онъ приобретаетъ холодою до самыхъ костей.

Бѣдная женщина, направлявшаяся въ деревнѣ, остановилась, когда первые хлопья снѣга упали на ее бѣдное лицо. Въ рукахъ она несла ребенка. Когда она почувствовала на себѣ холодное прикосновеніе снѣга, на душѣ ее стало еще холоднѣе и безотраднѣе; одна мысль, одно желаніе бегснудъ въ ее головѣ—лечь тутъ-же на дорогѣ и умереть.

Прекрасное лицо этой женщины выражало утомленіе, но имѣетъ съ тѣмъ рѣшимость. Черный платочекъ едва сдерживалъ слезы, какъ смоль, вольно, развѣиваемы во всѣ стороны сильными вѣтрами. На ней было простое черное шелковое платье, насквозь промоченное дождемъ, и снѣгомъ и представлявшее плохую защиту противъ холода и вѣтра. Она несла на рукахъ завернутого въ теплую шаль ребенка. Она остановилась; вѣтеръ стихъ, въ лѣсу перестали гудѣть лиственные листья дерева. Только снѣгъ, падая медленно и неслышно, покрывалъ землю бѣлой скатертью.

Женщина пошла далѣе. Ребенку, которого она старалась согрѣть на груди своей, приданная ей свѣтъ естественноту слю. Надвигавшійся снѣгъ мѣшалъ видѣть дорогу, но она твердо шла впередъ. Она знала, что цѣль, къ которой она стремилась—была близка. Наступили сумерки. Утомленная, она прислонилась къ дереву и въ эту минуту упала передъ собою деревца и заборъ замка, башня которой также стала ей видна.

Этотъ замокъ былъ ей хорошо знакомъ.

Изъ груди ей вырвался вздохъ, вздохъ благодарности, объективноту ее наболѣвшее сердце. Не за себя радовалась она, — за своего ребенка. Услыхавшіе этотъ вздохъ, сказали бы:—это не

просто женщина, это— мать. Она вагалинула на замокъ, но не пошла въ его сторону, а направилась къ деревнѣ. Эти мѣста были хорошо ей знакомы. Какъ часто въ длинной амазонкѣ, на горячей лошади, она скакала по этой дорогѣ, оруженая вѣсовой толпой. Мимоходомъ она не разъ выдавала выскучу гостиницы этой деревни, и теперь отыскала ее. Подошедши къ дверямъ, она вынула золотую монету и спросила себѣ комнату. Монета пропала, все дѣйствіе—никуда не пошло, ли безъ перемой. Ее повели въ темную, сырую комнату. Давши ребенку стаканъ теплаго молока, но не побоялась о себѣ, она спона вышла за ворота и, отыскавъ хозяйина, спросила:

— Нѣтъ-ли у васъ какого нибудь мальчика, котораго я могла бы послать въ замокъ.

Хозяйинъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на странную посетительницу.

— Но....

— Я заплачу ему, прервала хозяйина незнакома, вынимая изъ кошелька серебряную монету.

— Да... Но...

— Есть у васъ мальчикъ? что-же вы стоите не отвѣчаю?

Хозяйинъ окинулъ взглядомъ шелковое платье и строгое лицо посетительницы.

— Да, сказалъ онъ, вѣдь деньги, я пошлю мальчика, что же должны вы сказать?

— Онъ долженъ сказать графу Христіану, что его проситъ прийти сюда.

Услыхавъ это имя, тонъ хозяйина перемѣнился, онъ сдѣлался вѣжливымъ и предупредительнымъ.

— А... ваше имя. Какъ прикажете сказать графу, отъ кого присланъ мальчикъ?

Незнакома строго взглянула на хозяйина. — Отъ женщины, переговоривъ она. Вы поняли?

— Она простояла на крыльцѣ, пока мальчикъ не скрылся въ темнотѣ. Снѣгъ пересталъ и замокъ былъ ясно видѣть невдалекѣ.

(Продолженіе будетъ).

Послѣдовательница Лафатера.

(Окончаніе).

VI.

На балѣ.

На г-жу Дезолье смотрѣли съ самыми живыми любопытствомъ. Это былъ приракъ.

«Я думаю, что это гораздо болѣе измѣнчива, говорили одни. Какое разрушеніе! бормотали другіе.

«Она не потеряла вкуса», замѣчали третьи.

Г-жа Дезолье не старалась слышать. Она кланялась на право и на лѣво; прогуливалась; по-смащивала на часы, не пора ли ухажать.

Она вступила въ старую дѣлу, лорда Т... Это былъ милый, добросердечный старикъ, почитатель всего блестящаго, и снѣбный до мога костей. Г-жа Дезолье давно его знала и любила. Она зала его подъ руку, чтобы пройти съ нимъ, и, заговорившись о прошедшемъ и давнопрошедшемъ, они принявъ въ маленькое отдаленное зало, гдѣ можно было найтѣ тишь и прохладу.

Къ несчастію, въ мой лѣта, я уже не могу ничего спомнитроировать свиданіемъ глазъ на глаза, замѣталь лордъ Т...

Кто то прежде ихъ вошелъ въ это отдаленное зало. Молодой человекъ, наклонившись, читалъ или разсматривалъ альбомъ. Онъ не слышалъ прихода лорда Т... и г-жи Дезолье. Хихикали одно или шепсать платка другой, привлекая его вниманіе. Онъ всталъ и исчезъ. Г-жа Дезолье подождала въ себѣ нѣтъ; это былъ Юліанъ! Покуда лордъ Т... рассказывалъ безконечную исторію, г-жа Дезолье воспользовалась свободными минутами спросить себя, не былъ ли это сонъ,

Юлианъ былъ въ траурѣ; она это знала; она была въ этомъ уверена. Какимъ же образомъ она могла его видѣть въ этомъ залѣ, видѣть, какъ онъ встаетъ при ея появленіи, поклонился и исчезъ.

Въ этотъ день, какъ разсказано, слушала она разсказы лорда Т... Она не знала, что дѣлать; войти въ большое зало, значило увидѣть оца Юліана; остаться тутъ, такъ она могла быть опитъ. Но это не могъ быть онъ. Какъ всякого, чѣмъ нибудь сильно пораженного, се волновали дѣлы мысли, которыя саживали одна за другою въ ужасной непрерывности. Онъ или не онъ? Она не смѣла болѣе указать за собою лорда Т..., котораго она привела въ эту отдаленную комнату, чтобы свободнѣе поболтать; только что пріѣхалъ въ нее, могла ли она сейчасъ же выйти? Наконецъ, подъ предлогомъ того, что буетъ бѣлой спрени причинилъ ей головную боль, она вошла въ большое зало. Не галлюцинація ли это? Героинія д'А... шла къ ней на встрѣчу съ Юліаномъ.

Десять лѣтъ тому назадъ ей представляли тогда такъ-же г. Мегенция. Не сонъ ли въ прошедшіе годы? Не суждено ли ей присутствовать?—Она посмотрѣла на героиню д'А... и отчаяніе исчезло. Десять лѣтъ носились надъ ея головою.

—Позвольте представитъ вамъ моего молодого друга Реймонда де Сабриакъ.

Браза была совершенно та-же, но разница въ имени. Г-жа Дезолье настолько успокоилась, что могла разсмотрѣть г-на Сабриакъ. Онъ былъ ростомъ меньше Юліана и волоса у него были свѣтлѣе. Онъ заговорилъ: звукъ его голоса былъ тотъ же самый.

—И хотѣлъ имѣть честь быть вамъ представленнымъ, сударыня, чтобы извиниться. Сейчасъ, а такъ быстро скрылся отъ васъ...

—Какой прекрасный балъ! отвѣчала г-жа Дезолье, не зная, что сказать.

—Превосходный.

Вотъ и все, Г. де Сабриакъ поклонился и отомпелъ отъ г-жи Дезолье. Она позвала своихъ людей и ушла.

На другое утро, г. Солье получалъ слѣдующее письмо:

Милостивый Государь,

«Помните, недѣлю тому назадъ, вы говорили о Лафатеръ съ восторгомъ, который я горю нетерпѣніемъ раздѣлать? Принесите мнѣ въ завтраку его произведенія и дайте мнѣ первый утокъ физиологическаго.

«Б. Дрессоль Дезолье».

Въ послѣдн. г. Солье и г-жа Дезолье сидѣли совершенно одни за завтракомъ. Г. Дезолье принужденъ былъ выхлѣбъ. Его жена посоветовала ему отправиться навести необходимыя справки о его избраніи. Сказать такъ не было; большая книга была разбросана на столѣ въ беспорядкѣ, — на нѣхъ можно было прочесть: сочиненія Лафатера. Г. Солье говорилъ, а г-жа Дезолье слушала его, положивъ голову на руки, но уже не съ разсѣянными любовностью хозяйки дома, а съ сосредоточеннымъ вниманіемъ женщины, для которой рѣшается судьба. Часто она прерывала г. Солье, заставляя его объяснять ей нѣкоторые непонятныя для нея пункты.

Бесѣда была продолжительна. Если бы г. Солье не шнырнулъ другою дѣла, г-жа Дезолье оставила бы его обѣдать.

Она не могла никакъ принимать, и вечеромъ прочла обѣ книги Лафатера.

VII.

Еще разъ.

Сердце наше есть вѣстникъ неожиданности. Это странный другъ, съ которымъ мы живемъ, не зная, чѣмъ онъ насъ поразитъ: сибирью или счастьемъ. Чрезвычайно свѣдѣющимъ, онъ одинъ

дѣнь смотритъ на насъ притѣвлено, а на другой поворачиваетъ къ намъ спиною. Ничто не въ состояніи подкупить его. Съ нимъ мы должны быть осторожны; но эта неискренности благоговѣна; она помогаетъ намъ перенести жизнь. Мы не могли бы быть обмануты другими, если бы не обманывали сами себя.

Представимъ себѣ дерзкого человѣка, который сказалъ бы г-жѣ Дезолье: «Вамъ хочется опять увидѣть Юліана, не женитесь и не отводъ семейства, а молодымъ и прекраснымъ, какъ во время вашей любви, въ прошедшіе счастливые дни». Она содрогнулась бы, безъ сомнѣнія. Никакая казнь не показана-бы ей ужаснѣе, какъ посреди тоски и мучительнаго раскаянія встрѣтитъ этотъ счастливый образъ. Она убѣждала бы на край себя.

Но вотъ, она случайно встрѣтилась съ мыслямъ призракомъ и уже не знала; сердце ее не разрывалось. Напротивъ, чудный восторгъ овладѣлъ ею, все смѣнилось въ ея головѣ, настоящее и прошедшее, раскаяніе и надежда. Она не страдала болѣе; сладкое спокойствіе овладѣло ею.

Говорилъ ли я вамъ, что г-жа Дезолье была небожия. Эта была небожия литературна, средней руки, одобрена «критическимъ» и грошная г. Вельо. Съ Богомъ въ крайній мѣръ она могла быть откровенна; могла говорить ему о Юліанѣ; она не довольствовалась обидями во воскресенья, приходила въ церковь въ бы обыкновенные дни. И когда церковь пуста, своды темны, она падала въ глубокое благоговѣніе, и долго посѣвъ того, какъ священникъ выходитъ изъ алтара, она оставалась еще на коѣнѣхъ, погруженная въ мысли.

Черезъ два дня посѣвъ была героиня д'А... г-жа Дезолье очень рано отправилась въ обѣдъ. Въ то утро, солнце бросало свои лучи сквозь церковныя окончины, и атмосфера была окрашена въ розовый и голубой цвѣтъ. Помолчавши, г-жа Дезолье поднялась, и, переходя среднюю церковь, зашла въ необыкновенное явленіе, — молодой человекъ, склонивъ голову, молился. Тѣнь не трогала съ мѣста; въ церкви не зажигаютъ.

«Вѣдь это г. Сабриакъ? подумала г-жа Дезолье. И его вездѣ встрѣблю!»

Послѣ зрѣлаго размышленія, она заключила, что это не можетъ быть г. Сабриакъ. Значитъ ему цѣли въ обѣдъ? Молодые люди не небожны.

Мало по малу г-жа Дезолье прониклась идеями Лафатера. Ей казалось, что если существуетъ другое побое Юліана, то у него должны быть тѣ же страсти. И такъ какъ судьба познакомилась съ г. Сабриакъ, такимъ же образомъ, какъ и съ Юліаномъ, то этотъ неподвижный долженъ возбудить въ ней симпатію, готовую обратиться въ любовь.

Таково было основаніе ея вѣры въ тождество души, о которомъ говорилъ ей Солье и которое подтверждалось вѣстникомъ сродства. Но все это не было ясно въ ея головѣ. Тысяча непонятныхъ отгнѣновъ убавлявали ея самолюбіе и испугали сердце. И не желая насъ утомлять своими подробностями колебаній и сдѣлавъ съ собою. Эти боренія прививали ея къ жизни; она ожилась, сама того не замѣчая. Да, исчезнувшая любовь опять воротилась, сіяющая молодостью, украшенная новою прелестью. Она постыдилась бы въ такіе лѣта склонности къ молодому человеку. Но онъ не былъ для нея незнакомцемъ. Это былъ другъ старый и новый въ тоже время.

На другой день, она встрѣтила г. Сабриакъ на ступеняхъ церкви. Онъ выходилъ въ то время, какъ она входила. Такъ это именно его она видѣла накануне.

Не знаю, Богъ ли внушилъ г-жѣ Дезолье желаніе принять участіе въ назначеніи кандидата въ преемства, но она вдругъ стала сильно заботиться объ избраніи своего мужа. Чтобы убраться въ успѣхъ, она пригласила героиню д'А... къ себѣ на обѣдъ. Очень легко бы

ло познакомиться съ нѣкоторыми изъ ее друзей и между прочимъ съ г. Сабриакъ. Она не пригласила его къ обѣду, это было бы слишкомъ пошлѣнно; но послала ему сказать, что вечеромъ будетъ дома.

Наконецъ то она его увидѣла, будетъ говорить съ нимъ, смотрѣть на него. Отъ того могла она собрать свѣдѣнія о немъ? Сродство было такъ сильно, что нѣкій договоръ былъ о причинѣ ея любовнаго; да притомъ, если бы случилось по-каспитъ, говоря о немъ, какъ это было бы странно! Къ десяти часамъ мужнины курны ея въ кабинетъ г. Дезолье. Три женщины, сидѣвшія передъ каминномъ, разсуждали о шалашахъ, которыя онъ видѣлъ утромъ; и такъ какъ онъ былъ уже не молодымъ, то и сожалѣнія о молодости своего времени. Возмолъ г. Сабриакъ; онъ съ любовью познакомился хозяйки дома, подавъ руку г-жѣ д'А... и присоединился къ кружку. Его спросили не курить ли онъ; г. Сабриакъ отбѣчалъ, что нѣтъ. Началась единогласная похвала, паденіе на сигары, и сожалѣнія объ исчезнувшихъ хорошихъ манерахъ.

Г-жа Дезолье молчала; Юліанъ также никогда не курилъ. Появленіе мужчинъ не оживило бесѣды. Г-нъ Дезолье не находилъ болѣе чѣмъ занимать гостей и предлагалъ имъ пойти на лекцію о хлѣбномъствѣ. Когда героиня вышла, г. Солье заговорилъ о реаліи. Какъ всѣ люди, привыкли вѣстать въ свѣтъ, г. Солье старался превозмучивать свои мысли, чтобы придать имъ болѣе значенія. Онъ казался мѣтче неопытенъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Г-жа Дезолье притворилась къ престоному походу. Г. Сабриакъ внимательно слушалъ ее. На нее пристально смотрѣлъ! Ее охотно слушали! Это новый успѣхъ. На лицѣ г. Сабриакъ отражался восторгъ. Былъ уже часъ, когда г-нъ Дезолье возвращался домой.

Нужно было уходить. Г. Сабриакъ подошелъ къ г-жѣ Дезолье и, почтительно вкланяясь, попросилъ позволенія пожать ей руку. Г-жа Дезолье почувствовала сильное пожатіе, и горячія губы приблизились къ ея рукѣ, которую она отдернула, слегка вскрикнувъ.

VIII.

Развѣзанъ.

Какая это женщина идетъ такъ повнорно чрезъ Буаонскій лѣсъ? Отчего она такъ вѣсело смотритъ на небо? Почему она дышетъ такъ свободно вѣсннмъ воздухомъ? Я знаю эту женщину, это г-жа Дезолье; но легкая походка, веселый взглядъ, глубокий вдохъ! Это все новое.... Мы съ вами отдадимъ причину. Вѣра у ней обѣдала героиня д'А... и вчера-же г. Сабриакъ такъ страстно протѣсталъ съ нею.

Пріѣхалъ ли онъ сегодня ко мнѣ? спрашивала она себя. Я при немъ сказала, что меня можно заставить дома отъ четырехъ до шести часовъ. Не ужасъ забудеть?

Она смотритъ на часы и садится въ карету. На дорогѣ, маленькое приключеніе останавливаетъ ее. Довашъ раскрасовался, а слуга итѣмъ пошелъ за нѣмной каретой. Какъ онъ долго идетъ! Наконецъ вотъ онъ. Поюзина платого; она пріѣхала домой. Ей передаютъ карточку; одна изъ нѣхъ поражаетъ ее. Она читаетъ: «Раймондъ де Сабриакъ», а внизу, карандашомъ написаны три роковыя буквы: «Р. Р. С.» (Pour prendre congé).

Онъ ужаснѣе; безразсудный. Отчего? Какъ она изволнована! Она хочетъ его воротить; она посылаетъ ему записку, въ духъ снаговъ. Ей приспѣло отвѣтъ, что г. Сабриакъ ухаживалъ въ Тулузу, но что онъ оставилъ ей письмо. «Дайте! дайте скорѣе!» сказала г-жа Дезолье. Она сжываетъ печаль и читаетъ:

«Сударыня,

«Я не имѣлъ чести застать васъ дома, но мнѣ очень хотѣлось проститься съ вами и отъ глупыхъ думъ поблагодарить васъ за добрые примѣры, которые я получалъ въ короткое время, проведенное подлѣ васъ. Я иду къ монастирю по непреодолимому желанію. Мой отецъ требовалъ, чтобы я узналъ свѣтъ прежде, чѣмъ его оставлю, и я пріѣхалъ на нѣсколько вѣселие въ Парижъ. Богъ не удерживалъ меня въ этомъ долгомъ испытаніи и я увѣренъ, что онъ поставилъ меня на вашемъ пути. Скажите ли вамъ правду? Да, вы достойны ее услышать, и, при томъ, я надѣюсь, что вы, проникнутые божественнымъ благоговѣніемъ, откажетесь отъ всякой пышной суеты, отъ всякой свѣтской пустоты, которая навсегда удалитъ васъ отъ Бога. Я васъ постоянно видѣлъ въ обществѣ, я слышалъ, какъ вы защищали вѣрный свѣтъ отъ нечестивца, еретика и атеиста. Я радъ былъ встрѣтить христіанскую душу; потому, я спрашивалъ себя, что дѣлала эта усердная вѣрующая, какъ угождаетъ Богу? Ничего! Отвѣчалъ я самъ себѣ. Я поппалъ ничтожество свѣтской жизни, и почувствовалъ себя тверже и неолокобимѣе въ своемъ рѣшеніи. Умолю васъ на коѣткихъ, посаудайтехъ меня, повѣрите мнѣ, бромете эту отвратительную роскошь, которая

васъ окружаетъ, похеруйтею бѣднымъ деньгамъ, которые вы тратите на пустую украшеніи, недостойный *ашиксъ* *лѣтъ* и характера. Простота души и тѣла, есть первая добродѣтель вѣрующихъ въ Спасителя. Онъ видѣть вашу жизнь; что скажете вы вашему судіи? Или вы представите предъ нимъ нарядная, какъ гордая Іезавель? Нѣтъ, будьте кротки, заслужите прощеніе, стараетесь, чтобы ваши дѣянія согласовались съ вашими правилами. Пользуйтеся немногими часами дней, которые вамъ остаются жить. Погражайте сподвижникамъ святаго Іеронима, которые поставили за нимъ го тробу Іисуса Христа. Онъ оставилъ Римъ, съ его уселеніями, и подвигнул себя анииніанъ и уединенію. Сдѣлайтесь, подобно мнѣ, благочестивой сестрой...

Г-жа Дезолье перестала читать.

Уже два года прошло съ тѣхъ поръ, какъ г-жа Дезолье покинула Парижъ; все время она жила уединенно въ Пикардіи, гдѣ мужъ ея добился таинственнаго. Г. Солье очень на нее стоялъ; она не отлучалась на одно изъ его писемъ и не возвращалась изъ изданія Лафатера, которымъ онъ такъ дорожилъ. Да и какъ возвратитъ его? Въ одинъ зимній вечеръ, оставшись одна съ духовникомъ, своимъ единственнымъ собесѣдникомъ, она спросила у него книгу. Священникъ

долго не находилъ. Истерѣвшая г-жа Дезолье начала сама искать въ библиотекѣ; тутъ она заимѣла сочиненія Лафатера; схватила одну, другую часть и такъ даже, и въ одинъ мигъ онъ пошелъ въ каминъ, а она смотрѣла съ горькимъ удовольствіемъ, какъ пламя ихъ пожирало.

— Мой мѣ, связать ей священникъ, вы должны удерживаться отъ такихъ движеній гнѣва.

На слѣдующей недѣлѣ, одинъ доминиканецъ проповѣдывалъ въ Амьенѣ и надѣялся много шуму. Г-жа Дезолье предложила своему аббату послушать его. Они отправились очень рано. Кто узналъ бы прекрасную, изящную г-жу Дезолье въ этой деревенской повозкѣ, въ черномъ, шелковомъ кашимонѣ и въ сопровожденіи священника! Они изъ первыхъ прибыли въ церковь. Отецъ Исидоръ появился на кафедрѣ. Г-жа Дезолье не могла тотчасъ узнать г. Сайриана. Водомъ его были плотно острижены, бороды также не было. Но видно она еще помнила, потому что прошептала выдыхая и утиралъ слезу: «Лафатеръ не такъ виноватъ, а бѣдный Солье даже нисколько. У этого подбородокъ не такой, какъ у Юліана!»

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ МОДНОЙ МЕБЕЛИ.

DESSINS DE MEUBLES MODERNES.

Альбомъ этотъ заключаетъ въ себѣ 16 листовъ, съ 60-ю тѣлительными исполненными рисунками и можетъ быть полезенъ не только для мебельщиковъ, но и для любителей.

Цена Альбому, 3 р. съ пересыл. 4 р. е.

Главный складъ находится у издателя-продавца Германа Гоппе, на Большой Садовой въ д. Ильина, № 16.

(256).

РБЗЕЦЪ для сниманія рисунковъ и выкроекъ продается въ Конторѣ Редакціи журнала „Модный Свѣтъ“, у издателя Германа Гоппе, по Большой Садовой ул., д. Ильина, № 16.

Цена 60 коп., съ пересылкою 1 р.

Д-РА ЯКОБСОНА

НЕСЕССЕРЪ ДЛЯ МѢТКИ БѢЛЫЯ,

ЗАКЛЮЧАЮЩІЙ ВЪ СЕБѢ:

красную и черную не смывающуюся краски, шаблоны, кисти и проч.

цѣна 1 руб. 15 коп. сер.

пересылка за 2 сунта.

Продается въ Антекѣ Гильзена, въ С.-Петербургѣ, у Аничкова моста, д. Мѣдниковой.

(252) 4—2.

(254)

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ, БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

„ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“ представляетъ исторію—географію—путешествія—изящныя искусства—естественную исторію—технологію—промышленность—морское и военное искусство—политическія событія—войну и проч. и проч., однимъ словомъ: цивилизацію, нравы и обычаи народовъ

ВЪ КАРТИНАХЪ.

Каждый томъ „ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ“ представляетъ собою

ВЕЛИКОЛѢПНЫЙ АЛЬБОМЪ

и есть необходимое дополненіе каждой хорошей бібліотеки, а также одно изъ лучшихъ настольныхъ украшеній каждой гостиной; Иллюстрація необходима вездѣ и для всѣхъ.

По просьбѣ многихъ подписчиковъ я заказалъ роскошные

ПОКРЫШКИ для переплета.

изъ англійскаго коленкора, съ золотыми тисненіями по рисунку художника К. Брожа.

Цена покрывки для переплета на каждый томъ: безъ пересылки 1 р. 75 к.; съ пересылкою 2 р. 50 к.

Гг. подписчиковъ, желающихъ приобрести эти покрывки для переплетовъ, издатель „Всемирной Иллюстраціи“ проситъ обращаться со своими заказами на возможности заблаговременно.

Цена первыхъ 4 томовъ „ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ“:

1869 г., т. е. томы I и II вмѣстѣ, 12 р., съ пересылкою 15 р.

Переплетенные въ англійскіе, тисненые золотомъ, переплеты — 16 р., съ пересылкою 19 р.

1870 г., т. е. томы III и IV вмѣстѣ — 12 р.; съ пересылкою 15 р.

Переплетенные въ англійскіе, тисненые золотомъ, переплеты — 16 р., съ пересылкою 19 р.

1871 г. Для сохраненія постепенно получаемыхъ господами подписчиками XX „Всемирной Иллюстраціи“ за 1871 годъ, т. е. для томовъ V и VI, вмѣются уже также роскошные покрывки для переплетовъ, по тому же рисунку и по той же цѣнѣ, какъ и для предшествующихъ томовъ.

Главная Контора „Всемирной Иллюстраціи“ находится въ С.-Петербургѣ, на Большой Садовой ул., домъ Ильина, № 16.

Издатель „Всемирной Иллюстраціи“ Германъ Гоппе.

(255).

Г.М.ХУТТОНЪ и К^о.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ
НАСТОЯЩИХЪ
АМЕРИКАНСКИХЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ

СИСТЕМЫ
Виллера и Вильсона

въ Нью-Йоркѣ.

Малая Морская,
д. Воронцова,
№ 14.

Наскѣ прощ., на углу Малой Конюшенной, д. Рѣва
МАШИНЫ ШВЕЙНЫЯ
МАГАЗИНЪ

А. И. БЕРЕТЪ,
Парижскихъ шуръ,
И ПОРЪ

ДАМСКИЕ ПРИНЕСИ, ПИШОНЫ, КОСЫ, ВЯНО ВУЛН
Большая Морская, д. Ваткова.

Ю.Я.ФОРАНД.

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ
МУЖСКАГО и ДАМСКАГО

БѢЛЫЯ.

Большая Морская
д. № 18.

Извѣстные
ТОРГОВЫЕ ДОМА
ФИРМЫ
въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

ПЕТРОВА и МЕДВѢДЕВА.

ОТЛОМНЫЙ ВЫБОРЪ

ГОТОВЫХЪ ДАМСКИХЪ

НАРАДОВЪ.

Гостиницъ дворъ,
Большая Садовая линя,
№№ 119, 120 и 121.

КОРОЛЕВА.

МАГАЗИНЪ

Дамской и Мужской обуви.
Новый просп. д. Глазунова.

Московскихъ Фабрикантовъ.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ
разнаго рода матерій, лентъ,
кружевъ, вышитыхъ вещей,
готоваго мужскаго и
дамскаго бѣлья
и проч.

Гостиницъ дворъ,
Больш. Садов.
ская линя,
№ 119.

И. САВЛЮЧЕНОВА.

МАГАЗИНЪ
Интересныхъ и оригинальных
предметовъ и аксессуаровъ.
Большая Садовая линя, № 30.

